

Марсель Марсо:

«Пантомиме доступно все, кроме лжи»

«ПУЭН», ПАРИЖ.

— Марсель Марсо, какая неведомая сила заставляет актера добровольно стать немым?

— Могу сказать лишь о себе: с детства я мечтал быть мимом. Я даже не представлял себе четко, что это такое, но идея крепко засела в моей голове.

— Вы, должно быть, бывали на выступлениях мимов?

— Нет, это была какая-то внутренняя потребность. В детстве я не видел настоящих мимов, зато смотрел фильмы Чаплина, а он был мимом на свой манер. Я хотел делать то же, что и он. Чарли завоевал сердца миллионов людей, говорящих на разных языках, потому что они могли узнать себя в нем без помощи слов. Вместе с другими детьми я основал своего рода труппу, подражал Чарли и разыгрывал в лицах басни Лафонтена. Еще неосознанно я развивал свое призвание к пантомиме. По-моему, аналогичным образом человек становится художником, скульптором.

— Поскольку мы затронули ваше детство, скажите, где вы родились?

— В Страсбурге. Все мое детство вплоть до второй мировой войны прошло в Эльзасе. Отец мой был мясником.

— Профессия, не имеющая ничего общего с театром...

— Да. Но я не стыжусь этого по двум причинам. Во-первых, мой отец, хотя и был мясником, обладал поэтической натурой, любил театр. Он доказал это тем, что никогда не препятствовал моему стремлению стать актером. Он обожал голубей, так что я засыпал под шелест их крыльев! Я благодарен своему простонародному происхождению еще и потому, что мы, сами понимаете, жили очень скромно, так что у меня рано установился контакт с улицей. Каждый день я имел возможность наблюдать за людьми, их взаимоотношениями, изменениями и быть постоянно в движении! Я всегда уважал отца, который тяжелым трудом зарабатывал свой хлеб. Наверное, поэтому я рано почувствовал необходимость обрести самостоятельность, а позже — выразить в доступной для всех людей форме свое восприятие жизни.

— Вернемся — раз уж вы сегодня нарушили обет молчания — к Чарли, вашему первому вдохновителю. Ведь Чаплин не считал себя мимом и заговорил, как только представилась возможность...

— Действительно, Чаплин не был мимом в полном смысле слова. Его гений проявился в осознании простого факта: раз кинематограф его времени лишен звука, надо обходиться совсем без слов. Разумеется, он мог бы по примеру других и весьма популярных актеров того кино кричать беззвучно, что в наши дни выглядит просто нелепо. Чаплин сразу же интуитивно понял, как и Бастер Китон, что можно выражать чувства и доносить их до зрителя, не раскрывая или почти не раскрывая рта! Именно в этом он проявил себя мимом. Ведь настоящий мим воссоздает комические или трагические ситуации одними лишь средствами выразительного движения, не произнося при этом ни звука. И, конечно, не прибегая

Вот уже больше 30 лет на сценах мира восстают против зла, радуются и грустят, попадают в смешные ситуации, любят, умирают и рождаются вновь, чтобы призвать к добру и справедливости, персонажи замечательного французского мима Марселя Марсо. Только за последние годы он дал представления в 43 странах, в том числе в Советском Союзе, где его хорошо знают и любят зрители. В публикуемой беседе с журналистом Пьером Дегропом Марсель Марсо рассказывает об этом удивительном искусстве — пантомиме, способной без слов обращаться прямо к сердцу человека, заставляя его задуматься над собой и своими поступками.

нам танец или музыку... А что даете вы?

— Мы показываем то, что лучше всего может быть выражено молчанием, а не словом. Например, трудно передать словами, как человек идет против ветра. Миму же это подвластно, он как бы рождает на сцене ветер. Нельзя показать словами, как человек поднимается по лестнице. А мим в состоянии сделать это, ему вовсе не нужна лестница. Мы стоим вне слова и общаемся со зрителем напрямую, как цирковые артисты.

— Вы хотите сказать, что, будь ветер видимым, отпала бы необходимость в миме для показа этого ветра?

— Да. Если мим в совершенстве владеет языком пантомимы, ему удастся из невидимого создавать видимый мир. В действительности человек идет по лестнице совсем не так, как поднимается мы по своей воображаемой лестнице. Никто все время не держится за перила. И все же нереальным мы создаем реальное.

— Философ сказал бы, что вы изображаете не лестницу, а ее сущность!

— Именно так. Лестница и ветер все же просты, а мим имеет в своем распоряжении целый набор средств, которые позволяют ему изображать более сложные, значительные по содержанию вещи. Вернемся к моему примеру с судом. Пародируя людей, которые сталкиваются между собой в суде, делая их своего рода символами, я стремлюсь не только вос-

Марсель Марсо снова выступает на парижской сцене. В 55 лет он наконец-то добился от французских властей средств на организацию первой во Франции школы пантомимы, хотя такие специальные учебные заведения уже давно открыты во многих странах.

«Пуэн», Париж.

создать обстановку судебного заседания, но и нарисовать философский образ правосудия. То же самое можно сделать и в отношении бюрократизма. Придав жестам карикатурность, можно создать символическую сатиру на любую человеческую деятельность, даже на само общество. Например, другая сценка из моего репертуара: человек в клетке. Он заперт, клетка тесна, давит на него. Человеку удается выбраться на свободу, но он попадает в клетку побольше, которая также захлопывается за ним, и т. п. В данном случае символ ясен без каких-либо слов.

— Что еще вы стремитесь выразить пантомимой из того, что нельзя передать словами?

— Бег времени. Изображая в течение четырех минут молодость, старость и смерть человека, можно «показать» бег времени, выделить его сущность. Конечно, это делают и авторы романов, правда, косвенным образом, описывая молодые годы героя, его дальнейшую жизнь, его отношения с окружающими, с семьей. Фактически течение времени воссоздается в книгах тем временем, которое люди затрачивают на чтение. Я же могу заставить публику непосредственно «почувствовать» время. Здесь я приближаюсь к кинематографу с его трюками. Сняв на пленку жизнь цветка-однодневки, кадр за кадром в течение суток, а затем прокрутив эту пленку в ускоренном темпе, кинематографист может за минуту

показать расцвет и гибель растения. Примерно так же поступает со временем мим — сжимает в мгновения всю человеческую жизнь. И это можно сделать только без слов. Человек рождается молча. Конечно, появившись на свет, он издает крик, чтобы дышать, а затем учится говорить. Но ведь его жизни начинается и заканчивается в молчании. Пантомима способна воссоздать весь путь человека с помощью символов, передающих состояние души, все эти безмолвные крики, причем делает это гораздо лучше, чем я сейчас посредством слов. И мне кажется, что созданная мимом поэзия жестов сродни музыке, ибо его молчаливые образы трогают сердце человека так же, как и звуки музыки.

— Расскажите теперь не о форме вашего искусства, а о том, что вы хотите им выразить?

— Я ищу темы, интересные для меня, но обязательно имеющие прямое отношение к человеку, ведь мой инструмент — одно только человеческое тело. Я стремлюсь обращаться прямо к сердцу зрителя. Как и звуки музыки, игра мима способна вызывать в душе человека состояние восторженности, тоски или радости — любые чувства. На этом основаны мои сценки, которые я придумываю сам или по совету других. Например, моя же на подсказала замечательную тему о дереве: оно устояло перед всеми невзгодами, войной, непогодой, но однажды погибло, ибо жизнь покинула дерево через рану, которую нанесла ему ножом парочка влюбленных, вырезав на стволе сердце и свои инициалы. Я выбираю такие сюжеты, которые затрагивают душу человека, показывают переходы от одного состояния к другому, раскрывают то, что лучше всего можно выразить жестом, а не криком, — жизнь, смерть, любовь. Когда люди сильно взвол-

нованы, им не хватает слов. Представьте, например, сцену вашей встречи с очень дорогим для вас человеком, которого вы не видели двадцать лет. Вы ничего не можете сказать, вы просто обнимаете его. Объятие — прекрасный жест. Я вспоминаю об одном эпизоде из военной кинохроники, который потряс меня до глубины души. Это была встреча на Эльбе советских и американских солдат — необычайно волнующие кадры. Никакие слова не могли бы передать то чувство, которое испытывали эти люди, бегущие навстречу друг другу!

— Вы выступали и в Африке?

— О, там реакция публики поразительна! Символические пантомимы очень близки африканцам. Изображать ветер,

дождь, солнце — это значит говорить на их родном языке. Даже наша система условных знаков — мы носим перчатки, при встрече кланяемся друг другу, целуем дамам руки — все эти буржуазные условности XIX века, которые совершенно чужды африканцам, блестяще ими пародируются. Как видите, искусство пантомимы переходит с континента на континент, из одного века в другой, впитывая в себя различные традиции, объединяя их особенности. Это прекрасно — силой искусства вновь найти то, что было утеряно.

— Что, по-вашему, недопустимо пантомиме?

— Пантомиме доступно все, кроме лжи... Поверьте мне, для лжи подходят только слова.